

Роман Вершилло

Государство и антигосударство: Россия и
Украина, 2022

Вершилло Роман Алексеевич. Государство и антигосударство: Россия и Украина. М.: Антимодернизм.Ру, 2022. 50 с.

Оглавление

Предисловие	3
Убавление ума	5
Все большая ясность и все большее обольщение	9
Три темы	9
Государство и антигосударство	11
Интеллектуальное потрясение	15
Мнения не имеют значения	17
Мнения стали преступлениями	21
Бунт и модернизм	24
Политика в Церкви	29
Оставаться в стороне	33
Хронология революции в Церкви	35
Реализм	38
Россия и НАТО	40
Хронология смещения	41
История идет ко все большей ясности понятий	43
Предметный указатель	46
Литература	47

Предисловие

Я начал писать эту книгу в первые дни спецоперации России на Украине. Мною двигало желание понять, что это событие значит для России и Русской Православной Церкви.

В свете военных действий стало видно, что граждане России страдают глубоким недоверием к власти. Они должны, но не могут стать гражданами в полном смысле слова. Для нас это только надежда и задача на будущее.

Россия может стать не идеологическим государством, а государством граждан, то есть людей, соединенных долгом и честью. В таком государстве не нужен ни советизм, ни монархизм, ни даже российский патриотизм. Нужна государственная дружба, ее непрестанное возгревание в разумном и нравственном диалоге.

Довольно многое из того, что мы видели и слышали в последнее время, можно считать шагами в правильном направлении. Но государство нельзя создать и укрепить бессознательно и случайно. Чувство долга перед государством нельзя симулировать и трудно стимулировать. Ему даже нельзя научить, но ради него надо намеренно бороться против одурачивания и идеологической слепоты.

В своей книге я исследую такие феномены, как ГОСУДАРСТВО, АНТИГОСУДАРСТВО, НИГИЛИЗМ, ВЗАИМНОЕ НЕПОНИМАНИЕ, ДЕМОНИЧЕСКАЯ ЗАКРЫТОСТЬ политиков и простых людей.

Ситуация в Русской Православной Церкви, как в увеличительном стекле, демонстрирует проблемы нашего общества. По этой причине значительную часть книги занимает разбор православного модернизма и того, как он связан с политикой.

Константин Леонтьев в 1880 году писал:

Великая вещь – война! Прав был тот, кто назвал войну – «божественным учреждением». Это огонь пожирающий, правда, но зато очистительный! [1, С. 63]

Да, так устроена человеческая история последних времен: чем больше хорошего, тем больше плохого, как о том знает внимательный читатель Откровения (Откр. 22:11).

Убавление ума

Мы видим бедствия нашего народа, и мы видим бедствия Русской Церкви. Всего таких бедствий три: 1) убыль населения, 2) убыль людей в храмах, но самая страшная убыль – 3) убавление ума.

О последнем бедствии я скажу несколько слов.

Конечно, по ходу истории происходит падение умственных способностей, ставшее особенно заметным с появлением массового образования.

В древности образование не носило массового и обязательного характера, хотя, например, мы знаем о грандиозных успехах грамотности в средневековом Новгороде.

Невозможно сравнивать уровень образованности дореволюционных гимназистов и современных школьников. Падение слишком велико. Даже не кончивший курса гимназист был высоко образованным человеком.

Примерно с XIX века массовое образование начинает охватывать все большее число людей. Тем самым, оно подвергает проверке их умственные способности. Хотят ли они учиться? Способны ли они окончить начальную школу, среднюю или высшую? Иначе говоря, образовательная система начинает работать, как сито, отсеивающее менее умных от более умных, и всех расставляет по своим местам.

То же массовое образование в Европе и России выявило, что средний уровень умственных способностей достигает пика примерно к 1870-1890 годам. С тех пор средний уровень постепенно падает примерно на полгода с каждым поколением.[2]

Деятели образовательной системы отреагировали на убавление ума снижением требований к учащимся. Стоит понизить планку, и мы получаем видимость образовательных успехов.

Оставшаяся программа все равно представляет трудности для учеников. Поэтому образование удлинилось теперь уже до 11-летнего, с добавлением обязательных репетиторов.

Главную трудность составляют, как выяснилось, не практические навыки, в наше время даже очень сложные. Здесь все обстоит необычайно хорошо, и все лучше и лучше.

Оказалось, что затруднение представляют абстрактные и бесполезные дис-

циплины: Катехизис, философия, логика, литература, грамматика, классические языки. Их либо удалили, либо заменили дисциплинами родственными, но уже практическими.

Изучают не грамматику древних и иностранных языков, а учат говорить на языках, что совсем не одно и то же.¹

Изучают обществоведение, а не политическую философию. Основы православной культуры, а не Катехизис.

Чтение становится практическим навыком, а не искусством чтения. Читать много уже не нужно, а что читать – не имеет значения. См. новый проект образовательного стандарта, где предлагается читать «Гарри Поттера» по-русски.[4, С. 92]

Мы видим, что в список самых сложных попали дисциплины не нужные на взгляд современного человека. Они нужны уму, но в практической жизни бесполезны. Больше того, они опасны для современного общественного и церковного беспорядка.

Убавление ума состоит не только в падении умственных способностей. В нем бы не было беды, если бы не охлаждение любви к Истине.

Убавление ума – это, прежде всего, отсутствие интереса к духовным вопросам. Мы не отмечаем интеллектуальной бодрости в нас самих и тех, кто идет нам на смену. Не видно того неустанного желания понять, за которым стоит, конечно, неугасающая любовь к Истине.

Да, люди и сегодня оканчивают престижные вузы, учатся и преподают на философских факультетах, в семинариях и академиях. Внешне все идет как раньше, и даже лучше, чем сто лет назад. На самом деле, несмотря на снижение требований, учащиеся получают сегодня больше, чем могут переварить. Усилим воли, под давлением родителей и социума, они достигают большего, чем им отпущено Богом.

Человек способен быть счетоводом, а становится научным работником.

Он мог бы стать дьячком, а становится профессором МДА.

Слишком большая доза знаний оглушает, угашает любовь к истине и делает безопасными для антигосударства. Так возникает иллюзия всеобщего порядка

¹ См. любопытное признание Гуго Шухардта: «Мне нередко задавали вопрос, сколькими языками я овладел, и мой ответ был неизменно один и тот же: я едва ли овладел и своим собственным. Большинство людей не делает никакого различия между понятиями «владеть языком» и «знать язык», а между тем они редко совмещаются в одном лице. Я пользуюсь всяким случаем, чтобы подчеркнуть, как лингвист, свое отрицательное отношение к полиглотству, то есть к стремлению кое-как говорить на многих языках. Разумеется, я не отрицаю его большую полезность; я бываю поражен даже до глубины души, когда какая-нибудь дама где-либо в салоне уверенно и без ошибок изъясняется сразу на трех языках. Это всегда казалось мне феноменальным достижением; что касается меня лично, то, переходя с испанского языка на итальянский, или наоборот, даже после некоторой паузы между этими языками я никогда не мог говорить без ошибок».[3, С. 265-266]

и успеха. Интеллектуальную элиту составляют люди несамостоятельные и научившиеся послушанию в школе и университете.

А что такое ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК минус ЛЮБОВЬ к истине? Это софист, типа Кураева.

Что такое ВОСПИТАННЫЙ ЧЕЛОВЕК минус НРАВСТВЕННОСТЬ? Это воспитанное чудовище, типа Казановы.

Все сказанное имеет прямое отношение к духовному образованию. Здесь для детей школьного возраста предлагается обучение через развлечение, как в случае проекта «Академия веры».[5] Вместо истин веры преподают практические навыки, как сойти за православного.

В семинариях и академиях учащиеся получают навыки софистики от тех, кто ими уже овладел. Софистика есть уже традиция, ей можно следовать не задумываясь: хорошо это или плохо. Семинаристы учатся управлять сознанием, прикрывать свое иноверие и неверие, незнание и отсутствие интереса к духовным вопросам.

За годы обучения они заучивают чужие софизмы и учатся рассуждать сами, но всегда по линии наименьшего сопротивления.

Впрочем, угасает не только любовь к Истине. Гаснет и гностический пыл, присущий модернистам прошлого. И это уменьшение гностического пыла уже воспринимается как здравомыслие, спокойная модернистская ортодоксия.

Смотрите, как идет рассуждение в эпоху убавления ума.

Один деятель говорит, что нужно ввести русский язык в богослужение.

Ему возражает человек, который считает, что надо сохранить церковнославянский.

Результатом такого обсуждения, как оно и проводилось Межсоборным присутствием, оказывается компромисс: большинство выбирает церковнославянский с элементами русского.

Революционные и контрреволюционные крайности отвергнуты. Православные выбирают свободу, потому что никто не поинтересовался: сколько этих элементов должно быть. Если их будет очень много, это будет русификация. Если мало, то это будет реформа, которая ничем не лучше.

И вот мы видим, что сегодня выбирают здравомыслящие люди: не полный переворот, а тихое подтачивание Церковного здания.

На самом деле нужно не теплохладно здравомыслить, а полностью прервать этот поток лжи. Что же для этого нужно?

И я сразу совершаю ошибку, говоря: «Нужно», как если бы это было достижимой задачей. В таких ситуациях, как описана выше, если чего-то нет, то и взять негде.

У нас должно быть (но нету) – разочарование в собственных силах: силах делать, силах мыслить, силах понимать.

Политики, церковные спикеры должны сказать, что они не знают, что де-

лать, не знают, что будет, потому что в падающем самолете невозможно строить планы.

Вот поэтому мы говорим на нашем сайте, что модернизм победил. Не потому, что мы согласны с этой победой, а потому что отчаяние в собственных силах и есть искомая бодрость. Бодрствует и прозрел только тот, кто надеется на помощь Божию, а не на свои силы.

Но это еще не все. Православные развлекатели на телеканале «Спас», в Тик-Токе и Инстаграме, на футбольных полях и хоккейных площадках возникли не просто от того, что были понижены требования, интеллектуальные и нравственные.

Развлечение не есть нечто простое, легкое. Многие развлечения чрезвычайно утомительны и сложны.

Развлекатели, как и антимодернисты, отвечают на важное требование: разочароваться в себе, не надеяться на себя. Православные затейники отвечают на отчаяние – желанием развлекаться вопреки отчаянию. Пожалуй, в этом мы видим наибольшее убавление ума: умаление человека до полного ничтожества.

Итак, убавление ума – это борьба против истины, и прежде всего той, что человек беден, грешен, слаб, ничтожен, одинок.

Люди отказываются зреть истину умом и мыслят только то, что может оказаться практически действенно, то есть разрушительно. Тогда человек вступает в борьбу с Истиной в ее существе, потому что у человека ничто не прочно, ничто не вечно и все весьма плохо.

Все большая ясность и все большее обольщение

Я не буду предлагать военный, экономический или политический анализ операции на Украине. Его и так более чем достаточно.

Недостает, и очень сильно, духовной оценки событий. Два известных мне исключения: выступление о. Владимира Переслегина[6] и статья Александра Буздалова «Молитва о мире».[7]

Три темы

1. По ходу истории достигается все большая ясность и все большее смещение.
2. История человечества не имеет какого-то единого смысла.
3. Человечество не едино, и параллельно развиваются две истории.

По мере истории достигается все большая ясность.

Внимательному наблюдателю становится все яснее разделение понятий.

Мы лучше видим внутреннюю структуру понятий. Например, в 2022 году мы узнали, что можно отличить государство от антигосударства.

Разделению понятий соответствует все более ясное разделение людей.

Параллельно прогрессирует смещение понятий в головах. Все более торжествует идеологическое обольщение: либеральное, националистическое, марксистское, консервативное.

С помощью лжи достигается спайка людей на новом уровне. Идеологический туман и клей связывает людей в антигосударства, и так ужасная действительность становится выносимой.

История не имеет единого смысла, потому что нет единой истории человечества. И нет единого человечества, потому что оно разделено на два града: Град Божий и град человеческий.

Рассуждая о захвате Рима готами Алариха (24-26 августа 410 года), блж. Августин сделал вывод о двух градах, их разной судьбе и разном конце.

Человеческий род разделен на два общества: тех, которые живут по человеку, и тех, которые живут по Богу. Одному обществу предназначено вечно царствовать с Богом, а другому подвергнуться вечному наказанию с дьяволом.

Пути града человеческого и града Божия не совпадают.

Православные модернисты объективно вредят обществу. Они в прямом смысле слова коллаборационисты и враги.

Если они открыто выступают против России, то мы избавимся от них в Церкви по гражданским законам.

Но мы недооцениваем степень мимикрии, нечестности и власть обольщения над несчастными людьми.

Модернисты, как отец их митр. Сергей (Страгородский), способны приспособиться к любым изменениям.

Но даже если допустить, что модернисты искренне выступают на стороне России, это гражданская добродетель, а не христианская. Конечно, у христианина эти два вида добродетели совпадают.

Из-за разделения градов гражданские добродетели могут существовать без христианских, как мы и видим в настоящей нашей ситуации.

Получается, что истинное разделение Града Божия и града человеческого странным образом мешает нам в нашей антимодернистской деятельности.

И это означает, что Господь оставляет за Собой отделение пшеницы от плевел.

Государство и антигосударство

Наибольший интерес, возражения и понимание вызывают предложенные нами понятия Государство и Антигосударство. Заметно, что усвоению этих понятий довольно сильно мешают идеологии. Ими, незаметно для себя, заражены даже многие православные христиане.

Но высока и ответственность за ошибку в таком вопросе!

Значит, надо эти мысли сделать для себя заметными, уделить внимание тому, что такое государство и антигосударство.

Допустим, что все современные государства – это, собственно, антигосударства. Из этого вроде бы вытекает, что христиане свободны от долга перед ними и могут поступать в своей повседневной жизни как угодно радикально или компромиссно.

Такое отношение к государству не похоже на то, о котором учило Писание и Святоотеческое Предание. Оно больше похоже на обычное либеральное с его лозунгами: «Политика грязное дело» и т. п.

Мы бы ошиблись, думая, что отрицание гражданственности у христиан вытекает непременно из унижения государства. К тому же приводит и слишком возвышенный взгляд на государство. Уже славянофилы и Достоевский смотрели на государство и «народ» (миф о народе) как на своего рода «церковь». Причем Церковь эти мыслители понимали в модернистском ключе, и это неправильное понятие переносили на государство.

Из этого возникает большая путаница в головах. Одни мыслят о государстве как о Церкви, а о народе – как богоносце. Другие понимают, что двух церквей (если государство тоже «церковь») быть не может, и избирают безгосударственное существование.

До поры до времени это не вызывает никаких проблем, потому что христиане в основном не нарушают законов, и поэтому не вступают в конфликт с государством. Христиане вообще, к сожалению, несильно отличаются от граждан либерального государства.

Так как это глубоко неверно с христианской точки зрения, то нам нужно будет разъяснить понятия Государство и Антигосударство и то, как ими пользоваться.

Что такое ГОСУДАРСТВО, мы узнаём, начав с понятия о ГРАЖДАНИНЕ. А что такое АНТИГОСУДАРСТВО, мы поймём, сравнив его с НОВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ.

Христианин всегда поступает одинаково праведно при порядке и беспорядке. Но и гражданин при любой власти тоже поступает всегда одинаково справедливо, во время порядка или смуты. Таким образом, у них есть много общего даже тогда, когда они не совпадают в одном лице. Они сталкиваются с одинаковыми трудностями:

Первое затруднение состоит в том, что вокруг них все поступают как попало, то справедливо, то несправедливо. Христианин страдает от одиночества, то есть от того, что в обществе нет государственной дружбы. Она нужна и заповедана, но невозможна. Христианин чувствует свою ответственность за раздор в обществе, но не может его исправить.

Второе затруднение состоит в том, что наше время ставит вопросы, на которые простому человеку трудно ответить.

Вопросы всегда одни те же, и очень важные: Справедливо ли поступает правитель? Справедливо ли поступаю я сам? За кого воевать? Справедливая война или нет?

Раньше, до падения Православного царства, на эти вопросы отвечали богустановленные власти. У простого человека вопрос о лояльности решался с самой высшей, Божественной, санкции.

Для отдельного человека эти вопросы чрезмерно сложны и тяжелы. Но отвечать на них приходится и сегодня: гражданину – перед обществом, а христианину – пред Богом.

Из нашего изложения видно, что здесь пути христианина и частного человека расходятся.

У частного человека необходимость отвечать на нерешаемые вопросы вызывает стресс. Тогда человек теряет свой ум и обращается за объяснением к идеологии. Идеологии всегда готовы это сделать и совершают это, скрывая от человека ужасную реальность (полностью или частично). Простой человек благодарен за это, и со своей стороны готов на все. Свои преступления человек совершает теперь без чувства вины.

Так идеология скрепляет людей, и она делает это крепче, чем можно и нужно. Возникают тирания и рабство, где идеолог – победивший бунтарь, а простой человек – раб.

Христианин и гражданин в антигосударстве поступает так же, как в государстве. Он послушен, но гоним. Он говорит, но его никто не слышит. Он носит в себе залог государственной дружбы, но находится в вынужденной изоляции.

Государство соответствует миропорядку. Оно устроено так же, как Бог устроил весь мир и как Он устроил душу.

Но государство не Церковь, даже если, как в Древней Руси и Средневековой Европе, все граждане – христиане.

В государстве нет полной справедливости. По слову блж. Августина:

Истинной справедливости нет нигде, кроме той республики, основатель и правитель которой – Христос, если и эту последнюю угодно называть республикой, так как нельзя отрицать, что и она – народное дело... Истинная справедливость существует только в том Граде, о котором Святое писание говорит: *Преславная глаголашася о тебе, граде Божий* (Пс. 86:3).[8, С. 98-99]

Никогда не бывает, чтобы в государстве все были хорошими. Со своей несовершенной справедливостью оно объединяет хороших и плохих, сильных и слабых, верующих и неверующих, граждан и преступников.

Порядок же здесь состоит в том, что хорошие правят плохими, сильные защищают слабых, верующие поучают неверующих, граждане наказывают преступников.

Итак, справедливость государства не в том, что все судят справедливо, а в том, что справедливые и несправедливые находятся каждый в подобающем ему месте. Вот это и есть власть, а все прочее – безвластие.

Теперь подойдем к антигосударству тем же способом, каким мы подошли к государству.

Что такое новый человек?

Сравнив его с образцом человека, мы видим, что Новый человек – это не реальный человек, а миф, ложь. Например, на самом деле нет никаких «коммунистов», «вождей мирового пролетариата» и «классиков марксизма-ленинизма». Существуют только лица, которые почему-то так называются.

Природа человека никак не меняется, и поэтому никакого расчеловечивания в прямом смысле слова никогда не происходит. Родившийся человеком будет оставаться им, несмотря на болезнь, утрату памяти и даже рассудка.

То же можно сказать о грехе. Человек становится грешником, но не перестает быть человеком, и в этом качестве предстанет вместо со всеми на суд Христов.

Беспорядок в душе – личное дело каждого, его грех. В упорядоченном государстве это так и есть, но во времена смуты беспорядок транслируется вовне, в человеческое общество. Теперь личная развращенность правителя и народа начинает образовывать новое государство.

Антигосударство похоже на государство тем, что объединяет граждан и преступников. Однако новое государство соединяет их уже не в порядке, а в беспорядке, то есть противно созданному Богом миропорядку.

Что же тогда такое антигосударство? По аналогии с новым человеком можно сказать, что оно есть миф. А миф, как мы видели, лишь лжет о реальности, но ее не отменяет.

«Красная Москва» – все та же Москва, что в предыдущие века, но ее правители и простые граждане сошли с ума.

Было Царство, стала Советская Россия, но от этой выдумки сама Россия не перестанет существовать. Просто о ней думают и в ней поступают, как будто это не Россия, а «Царствие рабочих и крестьян, которому не будет конца».

Точно так же на самом деле нет никакого Евросоюза или Украины и других антигосударств.

Как новый человек обычно имеет те или иные гражданские добродетели, так и новое государство не всегда творит зло. В нем действуют законы и обычаи, отчасти новые и несправедливые, но во многом старые и справедливые.

Антигосударство наследует культуру предшествующего государства. Оно творит довольно много добра, как это делали СССР или США. Такое добро тоже разрушительно для личности, для ее самостоятельности и гражданственности.

Мы пришли к тому, что как гражданин связан с государством, так и новый человек связан с антигосударством.

Гражданин видит вещи такими, каковы они есть, и поступает всегда одинаково: в государстве или антигосударстве.

Новый человек живет внутри мифа, и он убеждает других обманом, страхом или насилием войти в этот миф. Он всегда поступает беспринципно. При любом порядке он бунтовщик и раб.

В той мере, в какой мы хорошие христиане и граждане, мы должны защищать Россию. Но при этом нам совершенно не нужно иметь какую-либо «российскую» идеологию, тем более что время идеологий прошло.

Сейчас идет духовная война, в которой выясняется, что у нас в России: антигосударство или государство граждан.

Пусть же победит гражданин, который после долгих блужданий вернулся к сути вещей: Вот мой дом, и я его защищаю.

Интеллектуальное потрясение

Войны и военные слухи вызывают у обычных людей страдание.

Мыслящие и пишущие люди переживают особого рода стресс, потому что их ум уязвим больше, чем совесть.

От стресса они пытаются защититься доступными им сочетаниями фраз. Отсюда общая реакция интеллигентов и интеллектуалов: уклониться от ответа, неясно бормотать (как редакция журнала «Фома»),[9] упрекать в трусости неизвестно кого, как сделал о. Иоанн (Гуайта),[10] обижаться на то, что не дали собрать митинг русских националистов, как Егор Холмогоров.

Интеллигентами движет своя корысть, а не принципы. Они хотят укрыться не от государства или политического раскола в иерархии, а от стресса.

Их рассудок не выдерживает, потому что происходит явно нечто неразумное. Тут, действительно, вспомнишь Камю и Сартра с их «дорогами свободы». Они хотя бы понимали, что неразумное нельзя понять.

Как пишет под влиянием стресса один маленький-маленький человек:

Политика представляет собой своего рода «дешевую праведность»: человек, который произносит «правильные» политически слова, без особых усилий оказывается на стороне Всеобщего Блага, а любой несогласный, соответственно, делается носителем Очень Большого Зла (и в сущности, не совсем даже и человеком).

Вот уже для нашего мыслителя непосильна политика, то есть самое обычное дело, в котором мы все участвуем в своей повседневной жизни. Он просто не знает никаких интеллектуальных усилий, кроме напряжения памяти и сочетания слов.

На самом деле, чтобы оказаться на стороне Всеобщего Блага, усилия не нужны. Они не нужны даже, чтобы мыслить Истину и Благо.

Как писал русский философ:

Примитивный ум полагает, что идее так же трудно «двигаться», как и ему, и он считает, что философия есть трудное «делание». Принудительнейшее для него – его собственное усилие, и он полагает, что это – усилие самой идеи. Он считает, что вне его опыта и переживания, без них, идеи нет. Он примитивно полагает, что нужно напрячься пережить,

чтобы получилось философствование. Он повторяет юридическое изречение: нельзя научить философии, но можно научить философствовать, не замечая извращенного смысла этой формулы, подчиняющей знание примату переживания. Именно философии можно научить, а философствовать надо отучиться.[11, С. 51-52]

Но есть в позиции наших интеллектуалов и некоторая подлость.

Во-первых, они знают, что в обществе они незаменимы. Только они способны на «особые усилия в постижении Блага». Но эти усилия, как мы выяснили, вообще не нужны. Они были тщетными уже в мирное время.

Это знали и философы, и простые люди. Но во время войны это становится ясно даже интеллектуалам. Они неожиданно понимают, что их миссия «объяснителей» и руководителей сознания закончилась.

К сожалению, она не закончилась навсегда, а лишь прервалась на время.

Однако интеллигентам недостает ума, чтобы это понять.

Мнения не имеют значения

И все-таки не напрасно мы изучали модернистов: и задолго до 2014 года, и все *специальные* годы до сего дня. Предупреждали мы и о предательстве чистоты веры. Мы предостерегали и от опасности опьянения либерализмом, социализмом, украинским национализмом, нашими отечественными идеологиями...

Наши наблюдения ничего не остановили, и если отрезвили, то очень и очень немногих. Однако наши материалы говорили о жизни и смерти. Теперь, с началом операции на Украине, это стало окончательно ясно.

По сравнению с вопросом о том, что такое модернизм в Православии, вопросы политические оказываются по-детски простыми.

В главе про государство и антигосударство я говорил, что антигосударство похоже на государство тем, что объединяет хороших и плохих, сильных и слабых, верующих и неверующих, граждан и преступников. Однако новое государство соединяет их уже не в порядке, а противно созданному Богом миропорядку и заповеданному порядку в обществе.

Всё остается, но иначе сочетается, – как прекрасно выразился Константин Леонтьев.[12, С. 202]

Отсюда следует ясное понятие о месте гражданина и христианина в развращенном обществе: он поступает всегда одинаково при любых обстоятельствах, потому что является носителем иного, Божественного, закона.

Итак, мы видим, что общественная коллизия между христианами и гражданами антигосударства разрешается необычайно просто.

Но как быть с тем, что в этом же развращенном обществе другие христиане занимают место, неподобающее для христиан? Вот этот вопрос не так уж прост, и разрешается он очень болезненно.

Христианин не может не страдать от того, что сродный ему человек, *владыка мой и знаемый мой, иже купно наслаждался со мною брашен*, вдруг поступает как человек опьяненный, сознательно неразумный (см. Пс. 53:12-15).

Совсем нелегко сказать таковым с Псалмопевцем:

Да придет же смерть на ня, и да снидут во ад живи: яко лукавство в жилищих их, посреде их.

Христианин не может оставаться вместе с модернистами в обществе и в Церк-

ви, но он не может и перейти в анархическое безцерковное состояние. Это недопустимо даже как мечта. Выход в обратном: в наибольшем попечении о выполнении своего долга. Тогда он будет гоним и от лжебратий тоже.

Наш анализ показывает, что модернисты хотят построить малый порядок в Церкви. Это порядок чисто светский, не имеет ровно никакого отношения к вере и догматам.

Одновременно с этим модернисты покушаются как будто и на сверхъестественный порядок. Они извращают веру и догматы, проповедуют безнравственность как новую православную мораль. Они судят о канонах, пользуются своей церковной властью, духовной и административной. И только совершенная духовная слепота мешает им по-настоящему дотянуться до священных предметов и вечных истин.

Вот каков итог наших размышлений над этими проблемами: модернизм – это место лжехристиан внутри того или иного малого порядка.

Модернизм есть собственно политическая позиция, определенное положение в развращенном обществе. Христиане тоже занимают здесь свое место, и оно незавидное во всех отношениях, кроме главного.

Например, сейчас всем стало видно, что украинский национализм в Церкви – это не набор воззрений, а просто послушание малому порядку, чисто светскому. То же касается всех остальных идеологий, как, например, литовский либерализм вынуждает архиеп. Иннокентия выступить тоже против России.[13]

Модернизм в Церкви, даже если он победил, не то чтобы устанавливает малый порядок. Он невозможен в Церкви.

Но модернисты выходят навстречу миру и не скрывают этого, говоря об открытости миру и необходимости приспособливаться ко все новым условиям. И это надо воспринимать всерьез.

Еще раз повторюсь: модернизм – это не набор тех или иных мнений, а примирение лжехристиан с миром, то есть с тем или иным общественным порядком. Такой порядок мы называли «малым», чтобы отличать от подлинного порядка в обществе.

Нас, разумеется, отталкивает украинский национализм. Его мнения бесчеловечны и беспочвенны. Это тот самый нигилизм, о котором писал о. Серафим (Роуз)[14] и, несколько прежде него, Альбер Камю.²

Можно сказать, в самое сердце поражает нас то, что из этого мнения следует церковная политика, например, митр. Онуфрия (Березовского), главы Киевской митрополии Русской Православной Церкви.

Митр. Онуфрий, с самого своего избрания, выступает как идеолог украинского националистического государства. И вот сегодня, когда фактически идет война с идеологией украинского национализма, я скажу необычную вещь.

² См. главу Бунт и модернизм.

Дело здесь совсем не в националистических мнениях митрополита. Поэтому я бы не стал предъявлять ему исторические аргументы в пользу того, что Украина – это Россия. Это бесполезно.

Воззвать к его совести, напомнив о жертвах одесского Дома профсоюзов? Тоже бессмысленно. У него и так есть совесть, но, как видно, не просвещенная светом разума.

Надо же, наконец, и нам отрезвиться. Мы не ведем ученый диспут с модернистами и идеологами.

Мы не находимся в диалоге с архиереями, которые выступили на стороне украинского антигосударства.

Мы не увещеваем их, а лишь исследуем чисто совне их сознание как пример духовной смерти.

Они враги Церкви, они враги России. Значит, и мы им враги, а не друзья и советники.

Тут подходит аналогия с шайкой. В банде не все киллеры, не все грабители. Есть те, кто все это финансирует, и сам никого не убивал.

Таким образом, при встрече с модернистом наш вопрос должен звучать примерно так: «Что ты делал в шайке?» Стоял на стреме? Всего лишь квартиру сдавал?

Заметьте, сколь многое это объясняет. Личное участие в большом преступлении может выглядеть совсем невинным, как, допустим, издание богословских сочинений на украинском языке либеральным киевским издательством «Дух и литера».

Лжехристианин может ненавидеть насилие и от него воздерживаться. Преступными являются не мысли, а соучастие в общем преступном замысле.

Вот и украинское государство, как мы прекрасно знаем, включает в себя и националистов, и сомневающих в национализме, и даже тех, кто противится национализму, но в рамках законов, установленных националистами.

Мнения не имеют значения. Это наблюдение можно обернуть и в другую сторону: лжехристиане говорят много верного.

Я легко могу представить себе архиерея, пособника украинских националистов, выступающим против извращенцев и Запада. Больше того, я даже самих украинских нацистов, военных преступников, могу представить себе выступающими против извращений, как Гитлера и Геббельса в свое время.

Возьмите Запорожского митрополита Луку.

В 2014 году он помог в войне против Донбасса.[15] Теперь он выступает против содомитов. Что для нас важно: первое или второе?

Нас не интересует, сколько было правильного в речах Гитлера. Нас не интересует исповедание наших врагов и их нравственность.

Когда лжехристиане говорят ложь, они повторяют сказанное не ими. Даже если модернист сказал что-то первым, он все равно сошел с ума.

Когда идеологи говорят что-то верное, они тоже говорят не свое, а чужое. Они присваивают то, что им не принадлежит.

Мы, разве, от митр. Луки узнали, что содомия есть грех? За что ему полагается такая благодарность?

Митр. Онуфрий призывает нас молиться и соблюдать Великий пост, и сам его соблюдает. Должны ли мы ему быть за это признательны?

Нет, потому что мы не от него узнали, что надо соблюдать Великий пост.

Так за что же на самом деле многие так благодарны украинским архиереям? Не за крупички краденой истины, а за иллюзию взаимного признания.[16] «Мы вместе». Иллюзия церковного единства соблюдена.

Человек в стрессе отшатывается к фундаментальным своим (чужим) понятиям. Потрясенный, человек приговаривает: «Мама, мама!» Тогда его усыновляет антигосударство. Оно дает человеку идеологический ум и освобождает его от ответственности за совершаемые преступления.

Был истинный монах, и потом он стал пособником преступников. Что с ним случилось? Ничего, кроме перемены его места в малом порядке. Он всегда был таким, каков он сейчас.

Когда предатели Православия и враги России участвовали в Поместных соборах, они были такими, каковы они сейчас. И когда сочиняли богословские труды и заседали в богословских комиссиях, они были теми, кто они есть на самом деле.

Во времена более спокойные это было незаметно, как в известном анекдоте, когда душевнобольной выглядит совершенно разумным, пока его не спросишь о форточке.

В 2022 году они на некоторое время предстали в своем истинном облики. Вот и всё.

Мнения стали преступлениями

Мы говорили, что модернизм есть положение лжехристиан в развращенном обществе. Не будем отрицать: есть у модернистов и мнения, оправдывающие то, почему они оказались в этом положении.

Возьмем экуменическое движение. Экуменисты ввязались в компромисс с другими верованиями. Причина этого духовная, то есть, собственно, злая воля. Но модернисты не хотят, чтобы кто-нибудь видел эту простую истину. Поэтому их интеллектуальные усилия обращены на то, чтобы оправдать экуменическую деятельность.

То же можно сказать об украинском национализме, о других духовных болезнях современных православных людей. Схема повторяется раз за разом: преступление – самооправдание.

Итак, модернисты что-то пишут и говорят, но к этому не надо относиться слишком серьезно. Они не разумеют ни того, что говорят, ни того, что утверждают (1 Тим. 1:7). Как гностики, они вообще не думают, то есть, точнее говоря, думают лишь так, как им выгодно.

Но нам-то как с этим быть? Мы должны, с одной стороны, видеть вещи, как они есть, а не кажутся. А с другой стороны, отталкиваться от любых мифов о силе и пользе знания.

Тот же украинский национализм нельзя интеллектуально опровергнуть. Его можно только победить на поле боя, и тогда лица, им больные, увидят, что поклонялись пустоте.

Модернизм надо лишить сана и изгнать из Церкви. Только тогда он на мгновение увидит вещи, каковы они есть.

Короче говоря, простое и ясное преступление должно быть осуждено и наказано просто и прямо, как это сейчас происходит на Украине.

Попутно стало очевидно, что православный модернизм есть преступление против общества. Конечно, это увидели не все, а только желающие видеть.

Я знаю силу приспособления модернистов, и поэтому считаю, что такая очевидность открылась лишь на время. Еще менее вероятно очищение Церкви от коллаборационистов. Мелко гадить, как о. Петр (Мещеринов), они могут, но вредить себе – никогда.

Мы привязали модернизм к политической действительности, сказав, что мо-

дерниста можно узнать по занимаемому им положению в развращенном обществе. А как же христианин?

Христианин во всех обстоятельствах мыслит, говорит и поступает одинаково, потому что следует невидимому закону. Он думает о существенных вопросах, а не о тривиальных. Христианин – мудрец, хотя и не всегда учитель.

Модернист точно так же зависит от обстоятельств. Он тоже идет в армию или прячется в подвале от бомбежки. Но его мнения, слова и дела зависят от выдуманного идеологического порядка. Модернист – всегда глупец и всегда учитель.

Сейчас в России и на Украине рушатся малые порядки, к которым приспособивались модернисты. Их мнения терпят крушение, слова звучат сдавленно и искаженно, а как поступать, пока неизвестно. Перед лицом внешних событий всем стало видно, что проповедь журнала «Фома», сайта «Православие и мир» или С. Худиева не истина, а только мнения.

Вчера теория заговора и мечты о всеобщем мире были мнениями. После 24 февраля за них придется отвечать по суду. За этим следит наше государство.

Теперь ложное мнение – это преступление. Но по ту сторону границы преступлением стала истина.

Вот как война, победа и крушение режимов раскрывают людям ложность всех мнений и истинность одной истины.

Но только ли катастрофы вносят такую ясность? Неужели людям нужны страдания, чтобы увидеть разницу между мнимым и истинным?

Конечно, нет! Для внимательного и чистого взора все было ясно до катастрофы. Как говорил св. Виктор Глазовский:

Это заблуждение (учение нравственного монизма.– В.Р.) я обличал в лице Митрополита Сергия и известного Митр. Антония Храповицкого еще в 1912 году, предупреждая, что они этим своим заблуждением потрясут Церковь Православную.[17, С. 142]

И вот что нам предстоит увидеть.

Хотя со стороны Запада и Украины нам противостоят идеологии, наше противостояние с Западом не идеологическое, и не дай Бог ему стать таковым.

Почему я настаиваю на этом? Ведь считается, что идеологию лучше всего побеждать с помощью другой идеологии. Так православные модернисты вместе с либералами побеждали марксизм. А либерализм и по сей день поборают с помощью консерватизма и социализма.

От идеологий, даже от тени их влияния, необходимо отстраниться, потому что идеологии не набор мнений, а воля к власти.

Пока есть время, надо увидеть суть идеологической войны. Это воля к власти, которая может выражаться экстатически и в холодном расчете.

Все, включая геройство, жестокость и благородство, может быть признаками снедающей человека воли к власти.

Так очень точно Толстой рисует благородство Наполеона к раненому Андрею Болконскому. Толстой не верит Наполеону ни на йоту, и отмечает:

Князь Андрей знал, что это был Наполеон – его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нем облаками.[18, С. 358]

Мы хотели бы лечить симптомы духовных болезней: например, во время боевых столкновений не впускать злобу в душу. Но ведь сама болезнь – воля к власти – не имеет запаха и цвета. Она выражается в неустанной мировой войне, в войне с недостижимыми целями.

Эту волю к власти можно увидеть не только у сильных мира сего, у тех, в чьи мысли мы пытаемся проникнуть в наши дни.

Мы сами тоже идеологи, если думаем, что можем изменять мысли других людей. Мы не можем исправить людей, одержимых волей к власти. Мы не можем укротить поток мнений, который бушует вокруг нас.

Христианскому взору видна суть мировой политики: в ней соперничают воли. Каждая такая воля безгранична, стремится к недостижимому. Целью мировой политики является полное уничтожение всех противников.

В мировой идеологической войне христиане – никто. Но они там, где сегодня, сейчас соединились Христианство и гражданство.

Экзистенциализм возник в эпоху великих войн и революций. Он был свидетелем поражений и побед, предательства и героизма. Может быть, это подойдет к нашему времени?

Бунт и модернизм

Книга Альбера Камю «Бунтующий человек» (1951 года) шокирует своими подробностями, потому что Камю рассматривает таких сочинителей, как маркиз де Сад, Лотреамон и, прежде всего, Достоевский.

Я не буду разбирать всю книгу. Для начала изложу основную канву, чтобы затем перейти к понятию «бунт». Наконец, мы рассудим о том, что такое бунт в православном модернизме и почему бунт так соблазняет православных христиан.

Попутно мы познакомимся с основами экзистенциализма, потому что он довольно сильно повлиял на модернизм, и более всего – греческий.

Альбер Камю довольно ясно формулирует три основных понятия экзистенциализма: абсурд, бунт и нигилизм.

«Абсурд» возникает, когда мир абсурден, а человек разумен.

По Камю, необходимы оба этих условия. Он объясняет так: без человека в нем мир не имеет смысла, но это не составляет проблемы.

Человек, потерявший разум, становится частью природы. То есть тут тоже никаких затруднений.

Бунт появляется только тогда, когда разумный человек взирает на абсурдную природу.

Камю – гностик, для которого абсурд – неизменное и вечное условие человеческого существования. Для него это действительное положение вещей, которое нужно стоически принять.

В то же время, Камю хотел бы стать антигностиком. Гностики не боятся лжи, а Камю боится. Он не хочет лгать или впадать в безумие.

Следующее понятие: «Бунт», то есть реакция человека на абсурдность существования:

Бунт порождается осознанием увиденной бессмысленности, осознанием непонятого и несправедливого удела человеческого. Однако слепой мятежный порыв требует порядка среди хаоса, жаждет цельности в самой сердцевине того, что ускользает и исчезает. Бунт хочет, бунт кричит и требует, чтобы скандальное состояние мира прекратилось и наконец-то

запечатлелись слова, которые безостановочно пишутся вилами по воде.[19, С. 126]

Бунт не только обречен на практическую неудачу, он еще и слеп. Он не видит утверждения, которое таится в его отрицании:

Что же представляет собой бунтующий человек? Это человек, говорящий «нет». Но, отрицая, он не отрекается: это человек, уже первым своим действием говорящий «да»... Взбунтовавшийся раб говорит разом и «да» и «нет». Вместе с упомянутой границей он утверждает все то, что неясно чувствует в себе самом и хочет сберечь.[19, С. 127]

То есть полного отвержения зла (скажем, «абсурда») не происходит. Бунтовщик хочет завоевать признание (вспомним мысли Гегеля о «несчастном сознании»[16] такого человека):

Бунтующий человек... в своем первом порыве протестует против посягательств на себя такого, каков он есть. Он борется за целостность своей личности. Он стремится поначалу не столько одержать верх, сколько заставить уважать себя.[19, С. 130]

Он упрямо доказывает, что в нем есть нечто «стоящее», которое нуждается в защите. Режиму, угнетающему его индивидуальность, он противопоставляет своего рода право терпеть угнетение только до того предела, какой он сам устанавливает.[19, С. 127]

Камю анализирует это положение человека. С моральной точки зрения Камю осуждает такой порядок, одновременно признавая его вечную неизменность. Для него мир абсурден и в то же время несправедлив, то есть вечен и ложен одновременно.

Эта мысль и делает Камю псевдофилософом, а не философом. Но из нее следует также и то, что бунт может быть справедливым или аморальным. Несправедливый бунт – это и есть «нигилизм», третье понятие, которое рассматривает Камю.

Бунт, согласно Камю, естественен, а плох он только тогда, когда ведет к нигилизму. При этом Камю признает, что в Новое время бунт почти всегда ведет к нигилизму. Триумфом нигилизма он признает национал-социалистическую Германию и коммунистический Советский Союз.

Что же такое нигилизм? Если сводить к простым вещам, то нигилизм – это неправильный ответ на философскую проблему убийства и самоубийства. Освенцим и ГУЛАГ – примеры неправильного, нигилистического бунта, потому что идеологи присвоили себе право на убийство и самоубийство.

Как выяснить: переходит ли бунт в нигилизм?

Проверается это тем, говоришь ли ты «да» в своем «нет»:

Переход к праву заявлен в бунте. А тем самым и переход от формулы «нужно было бы, чтобы это существовало» к формуле «я хочу, чтобы было так».[19, С. 128]

Вот из чего виден нигилизм бунтующего человека: «Пусть будет мир таким, как я хочу!» (Новалис).

Как мы видим, Камю хотел создать антигностическую философию. Почему же он потерпел неудачу?

Когда он говорит об абсурде, бунте и нигилизме, то описывает не человека вообще, а только нового человека. Это лишает его выводы всеобщности, которая необходима в философии.

Однако и мы можем воспользоваться его понятиями, рассматривая их как соблазны, которым уступают современные христиане.

Начнем мы с того, что согласимся с Камю, что мир абсурден, потому что человек греховен и творит на земле свою волю. Разумеется, все, что мы видим вокруг себя: это поток необъяснимых безумств.

Абсурдный мир идеологий не поддается осмыслению. Его надо рассудочно и безгневно понимать, понимать, что он безумен со всей своей политикой, наукой и культурой. Его надо рационально, холодно отвергать.

Бунт – это то, где мы никак не можем согласиться с Камю.

Никакой бунт не оправдан, потому что суд принадлежит Богу, а не человеку.

Православие ни в каком смысле не бунт, и это, вроде бы, очевидно. Однако зачастую оно именно так воспринимается многими модернистами и антимодернистами. Отсюда такая симпатия к контркультуре, к правому модернизму, который стремится всегда быть радикальнее гражданской власти.

Но вот православный модернизм – это самый настоящий бунт рабов. Отрицая бытие Божие и Промысел Божий, модернисты бунтуют против Творца и Спасителя.

Разве обмирщение Церкви, разве требование, чтобы христиан и их традиции и чувства уважали в миру – это не восстание рабов?

Психологизацию веры, пропаганду безнравственности, абсурдизм софиологии, апофатики и антиномизма, – мы тоже можем отнести к бунту, когда «взбунтовавшийся раб говорит разом и «да» и «нет»».

Благодаря понятиям Камю мы начинаем точнее понимать, что такое нигилизм.

Жизнь, разумеется, вообще не абсурдна. Абсурдна жизнь нового общества и нового человека, и этот абсурд естественно вызывает ответный бунт.

Но нигилизм – это не просто бунт. Это попытка внести смысл в абсурдную жизнь. И модернизм приписывает миру смысл, которого в нем нет. Мы много раз это встречали у о. Александра Шмемана и многих других.

Вся эта болтовня об *осмыслении, смысле жизни, смысле истории* имеет не

психологическую подоплеку, а политическую. Все это осмысление совершается идеологами за вас. Это новое упорядочивание приводит к реформе в Церкви, разрушению государств, убийству Помазанника.

Так вот, значит, где таится нигилизм: в насилии над душой. Его мы увидим в политическом малом порядке, в модернистских сектах, в сообществах реформаторов, решающих все судьбы века.

В модернизме нигилизм торжествует, устанавливая модернистскую ортодоксию, которая позволяет лжехристианину с комфортом устроиться в абсурдной жизни. Так в нигилизме совпадают бунт и компромисс.

Теперь мы видим, в чем неправ модернизм.

Абсурд – это еще не ложь, потому что мир человеческого греха действительно абсурден. Но абсурд есть ложь, если относится к миропорядку или сверхъестественному порядку.

Бунт – это не ложь, а преступление, как суть модернизма, разрушающего Церковь.

Нигилизм состоит в том, что на лжи построен порядок.

То есть модернизм есть нигилизм, и в этом его ложь, ложь лжи.

Альбер Камю напомнил нам очевидную истину: главное – не лгать. А чтобы не лгать, надо трезво смотреть на реальность, не стремясь ее изменить или «переосмыслить».

Безвыходная ситуация, самая ужасная из ужаснейших, может быть совсем не абсурдной, хотя и непоправимой. С этим антимодернист может принципиально согласиться. Он должен это знать.

Твое знание не помешает основанию малого порядка, но тогда он будет основан не на тебе.

Наше «нет», которое мы говорим идеологиям или обмирщению Церкви, действительно чем-то напоминает бунт, описанный Альбером Камю.

Но наше «нет» – особого рода, потому что мы предоставляем Богу суд над миром и над самими собой. Так мы через свое «нет» не говорим никакого «да» миру идеологий, миру торжествующего нигилизма.

Разумеется, ложь гнозиса направлена против меня лично. Это очень плохо и смертельно опасно, но в этом нет ничего абсурдного: я уязвим в той мере, насколько я духовно болен. Я ведь не отстаиваю себя таким, каков я есть. В этом нет нужды: я такая же часть мира, как любая другая, и поддерживаемая не своими силами.

Для меня важно показать, что христианин не находится в мире с миром. Он не конформист, но он и не бунтовщик. Как так?

Анализ, проведенный Альбером Камю, раскрывает нам то, что происходит в душе гностика при столкновении с условиями человеческого существования, на которые он не может повлиять. Гностик создает ложный порядок, придавая смысл бессмыслице.

На этом фоне мы яснее понимаем природу нашей вражды с миром и нашего мира с Богом.

Наш суд над миром – не от мира сего.

Политика в Церкви

В мире борются не только противунаправленные воли к власти. Друг против друга воинствуют христианский ум и воля к власти.

Уйти от такого открытого и тотального противостояния хотели бы многие христиане. Они хотят сохранить и свою веру, и свою волю к власти.

Например, на чьей стороне сегодня православные модернисты: России или Запада? И там, и там. Они в меру своих сил обслуживают соперничающие воли к власти, то есть в каждом случае **свою** волю.

Модернист повернут к власти, он ориентирован как компас на более сильное магнитное поле. Он либо следует за властью, либо столь же бессознательно ей противится. Ум же ему нужен для расчета: выгодно следовать власти или ей противиться, и как это в том и в ином случае оправдать.

При этом ум, как правило, отказывает прежде совести. Например, совесть подсказывает, что убивать нехорошо. А ум уже не объясняет, что война это не убийство. Война – это нечто совсем другое.

Или совесть подсказывает, что Россия права в нынешнем конфликте, а ум предлагает подкрепить свидетельство совести идеологией или простым конформизмом.

В общем, модернист – плохой гражданин, а часто преступник, потому что он следует за властью только до тех пор, пока она соответствует его воле к власти.

Война есть наивысшее общественное бедствие, которое может постигнуть человека. Самый же страшный вид войны – война гражданская.

Мы неслучайно упомянули слово «страх». Война вызывает страх, и он совершенно естественен и законен. Если это не страх за себя, то – за других. Тем самым человек показывает, что у него доброе сердце, способное сострадать другим, само не испытывая боли.

Еще одна возможная реакция – мудрость. Мудрец видит в войне обнаженные условия человеческого существования: бедность, болезнь и смерть. Мудрость говорит, что мы всегда живем в этих условиях, и в никаких других. История есть «цепь злодейств» (Г.Р. Державин).[20, С. 708] Сцмч. Виктор Глазовский говорит о «сей жизни-погибели».[17, С. 143]

Совершенная мудрость освобождает от страха, но много ли таких совершенных, у кого мудрость сочеталась с любовью?

Как мы отличим модерниста от православного? Он судит о войне по побочным, несущественным признакам, несущественным не только для военного времени, а вообще.

Модернист не хочет видеть происходящее с ним и вокруг него таким, каково оно есть на самом деле. Во время операции на Украине все еще развлекаешься литургической реформой? Подписан на группу «Православные шутят»? Продолжаешь редакционную политику «только хороших новостей»? С тобой все ясно.

Напомним для контраста, как обстоят дела на самом деле, а не с чьей-либо точки зрения.

Есть Божий мир. В нем порядок природы нерушимо хранится таким, как ее создал Бог. Вся тварь повинуется Христу, оставаясь всегда в своих границах.

Есть мир духовный со своими законами: Божественный сверхъестественный порядок. Ему подчиняются только христиане.

Наряду с этими двумя видами порядка мы видим беспорядок в обществе, в том числе в нашем, российском.

От того, что люди создали беспорядок, власть Бога не уменьшилась. Человеку всё так же не позволено творить на земле преступления и чудеса по своему усмотрению, своими силами спастись или по своей воле погибать. Беспорядок в обществе и мировой политике говорит лишь о крайней развращенности и неверии идеологов и ими одурманенных простых людей.

Создав беспорядок в светском обществе, некоторые люди пытаются вмешаться в сверхъестественный порядок и навести там свои порядки. Этих людей мы называем православными модернистами.

Идеологи не могут жить без правил, без планов на будущее. В меру своего развращения и неверия они создают малый порядок в обществе и в Церкви.

Первый признак малого порядка состоит в его закрытости от Божьего мира, тварного и духовного.

Второй признак малого порядка – непризнание реальности, полное или частичное.

Почему христианин отказывается видеть, что в Православной Церкви победил модернизм? Свидетельства об этом поступают каждый день. Да их накопилось гораздо больше, чем может вместить один человек!

Почему бы христианину не думать о политике?

Почему христианин не видит малого порядка, который сложился в его государстве?

Потому что составили свои понятия (ложные) и неправильно их соединяют. Поэтому даже страдания и смерть не позволяют увидеть вещи, как они есть.

Но модернисты делают больше этого. Они и сами не видят суть вещей, и мешают разглядеть другим. Самым лучшим способом заслонить реальность оказывается малый порядок, человеческий, политический своим существом.

Так и сама Церковь в модернизме, а именно в сергианстве, понимается как светская организация. В такой светской организации, пусть и под наименованием «Церкви», можно закрыться от Божьего мира и от Божественного сверхъестественного порядка. Такая закрытость почитается «спасением», опять же в светском, политическом смысле.

Сщмч. Виктор Глазовский говорит о Декларации митр. Сергия (Страгородского):

«Воззвание» есть удаление от истины Спасения. Оно смотрит на спасение как на естественное нравственное совершенствование человека (языческое философское учение о спасении), а для осуществления его, безусловно, необходима внешняя организация. По моему мнению, это заблуждение, которое я обличал в лице Митрополита Сергия и известного Антония Храповицкого еще в 1912 году, предупреждая, что они этим своим ЗАБЛУЖДЕНИЕМ ПОТРАСЯТ³ Церковь Православную... В силу этого своего заблуждения, они не могут МЫСЛИТЬ Церковь без внешней организации.[17, С. 142]

Для «спасения» митр. Сергию нужна Церковь как внешняя организация. Ради создания такой организации митр. Сергий решил пойти на компромисс с советской властью.

Сщмч. Виктор объясняет далее:

Они не могут МЫСЛИТЬ Церковь без внешней организации, а так как власть СССР, как гражданская политическая организация, в этих отношениях для них не приемлема (стесняла их внешнюю различную деятельность, умаляла внешнее их положение), то вполне возможно и их противодействие этой власти; а потом они раскаялись в этом, сознали свою ошибку, или, вернее, БЕСПОЛЕЗНОСТЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ.[17, С. 142-143]

Митр. Сергий рассудил, что советская власть сильна и установилась надолго. В этом состояла пресловутая мудрость митр. Сергия.

Сщмч. Виктор показывает, как модернизм сочетает в своей программе обмирщение и самоспасение.

А как обстоят дела на самом деле? В какие истины мы верим?

Мы веруем, что спасение во Христе Иисусе Благодатию Божией; эта Благодать Божия присуща только Православной Церкви и преподается нам через Св. Таинства, и что сама Церковь есть Дом вечного благодатного спасения от сей жизни-погибели, а не внешняя какая-либо организация политическая. Как благодатный Союз верующих, Церковь может

³ Здесь и ниже выделено сщмч. Виктором. – Ред.

не иметь и не должна иметь никакой политической организации среди своих членов (католическая церковь учит иначе), которые как граждане имеют одну общую для всех политическую гражданскую организацию, по которой они находятся в зависимости от гражданской власти.[17, С. 143]

Православные христиане отвергают и обмирщение Церкви, и гностическую политику, как самоспасение. Они спасаются благодатью Божией, а как граждане находятся в зависимости от гражданской власти.

Оставаться в стороне

To die, to sleep...

William Shakespeare. Hamlet

В такой ситуации, как наша, правильнее всего оставаться в стороне от событий, далеко от волнений.

Я говорю об этом без иронии. В *такие* времена (а они всегда *такие*) христианам лучше оставаться в стороне. Однако я предлагаю для этого путь, который подойдет не всем. Чтобы остаться в стороне, нужно мыслить, говорить и творить правду (см. Иез. гл. 18). Или, как еще говорят: «Честность – лучшая политика».

За слово правды тебя могут расстрелять, но не смогут вовлечь в течение событий. Так все силы зла не смогли вовлечь в компромисс Новомучеников Российских, как и всех Святых.

Делая правду, ты создаешь себе другие трудности. Прежде всего ты лишаешь себя возможности влиять на события. Ведь для этого надо кем-то быть, а мы в этом мире никто.

Оставаться в стороне будет не только опасным вызовом, но и христианской мудростью, потому что мы со всех сторон окружены неизменностью и неизменяемостью.

Неизменен Бог, а потому неизменны

1. условия человеческого существования: бедность, болезнь, смерть;
2. предстояние христианина пред Богом.

Общее положение людей всегда одно и то же. Но жизнь христианина отличается тем, что он не может отказаться видеть вещи, как они есть. Он может не видеть их ясно, однако закрыть глаза он не может: он должен идти и смотреть.

На деле получается иначе. Человек, закрыв глаза, идет по жизни путем компромиссов, то есть не признает этих двух неизменных вещей. А потом, если его компромиссы были успешными, он подходит к той точке, когда предательства уже не избежать.

Многие понимают, что лучше всего оставаться в стороне от политики. Вот, например, о. Георгий Максимов, который в своем видео по поводу спецопера-

ции на Украине хвалится тем, что никогда не говорит о политике. В самом деле, еще в 2008 году он писал:

Уклоняясь от вопросов светской политики и гражданского управления, христиане лишь смиренно следуют Писанию, канонам Церкви и святым отцам.[21]

Мы закрыли глаза на политику, на боевые действия, и значит, их больше нет. Мы больше не учитываем их в своих размышлениях.

Ведь политиком, как убежден такой православный, не может служить основанием для отделения от Патриарха, епископа, священника (на самом деле может). Он утверждает вместе с обновленцами, А. И. Осиповым и протоиереем Цыпиным, что анафема по политическим соображениям нецерковна.

Что мы видим в суждении таких православных о событиях на Украине? Полное игнорирование реальности.

Мы не можем не видеть этих вопросов, этих бомб и трупов, но закрываем глаза. Мы умеем это делать, и для этого у нас есть духовные упражнения, иезуитские в своем истоке.

Такой православный живет в какой-то капсуле, вневременной и внезаконной.

Он вроде бы привязан к постановлениям иерархии, но на деле научился их не слышать или не принимать всерьез.

Такой «церковный человек» на самом деле сам себе судья, а иерархия, как внешний судья, ему не нужна.

Мне скажут: «Вы навязываете Церкви политику».

Она уже давно внесена в Церковь, как заметил уже император Николай Павлович:

Государь Император, прочитав в № 1 издаваемого в Москве Иваном Киреевским журнала под названием «Европеец» статью «Девятнадцатый век», изволил обратить на оную особое Свое внимание. Его Величество изволил найти, что все статьи сии есть не что иное, как рассуждение о высшей политике, хотя в начале оной сочинитель и утверждает, что он говорит не о политике, а о литературе.[22, С. 73]

Действительно, достаточно открыть глаза, чтобы увидеть: славянофильское богословие и учение Достоевского – это политика. Значит, ее внесли уже давным-давно и с тех пор лучше не стало.

Лучше оставаться в стороне от политики, но модернизм накрепко привязан к истории.

К какой истории привязан православный модернизм? К истории Русского освободительного движения, то есть к гностической политике, а не к славной истории России.

Целью всей русской свободной мысли, не только православной модернистской, является уничтожение Церкви и Христианского государства.

Хронология революции в Церкви

Французская революция породила критический масонский ответ на нее в России.

Затем декабристы разбудили не только Герцена, но и Хомякова с Киреевским.

Расцвет модернизма был связан с реформами Александра Освободителя, а затем с Цусимой и революцией 1905 года (ее подготовкой в социалистических кружках Бердяевым, Булгаковым и Струве).

Особенно модернизм расцвел после гибели Царства, и далее его успехи были связаны с успехами советского государства. Так возникли последовательно сергианство, экуменизм и мирология.

Распад СССР и возникновение новой России дали нам лжемиссионерство, социальное христианство еп. Пантелеимона (Шатова), расцвет модернистских сект и синдикатов, литургическую реформу.

Чем хуже обстоят дела в государстве, тем лучше для модернизма. Чем больше государственной лжи, тем пышнее православный модернизм.

И наоборот, чем более государство возвращается к норме, тем более жалкие плоды. Вот, результаты на 2022 год по признанию о. Федора Бородина:

Я считаю, что ни в одной стране мира вы не найдете такое количество людей, которые оказались готовы сломать свою карьеру, жизнь, налаженный быт и уехать в другую страну, потому что они нравственно не согласны с происходящим. Множество людей поехали просто куда глаза глядят.

Вот говорят, Церковь провалила свою миссию. Где она провалила? Поступить своим земным бытием ради нравственных принципов - это результат евангельского сеяния, безусловно, которым Церковь занималась это время.[23]

То есть даже первые и не самые решительные шаги к государственности и гражданственности уже вызывают панику и эмиграцию модернистов из страны.

Пока РФ была либеральным государством, отношения Церкви и государства были идеальными:

Когда ещё в истории России государство давало такую свободу и самоопределение Церкви? Скажем честно: никогда. Даже в лучшие годы власти православного царя Церковь не была так свободна (о. Тихон (Шевкунов), 2012 год).[24]

Когда началась спецоперация, тот же о. Тихон Шевкунов, но уже в сане митрополита, призывает молиться за обе стороны конфликта молитвой Максимилиана Волошина:

Так происходит, что междоусобные брани время от времени сотрясают Русь. Как правило, за спинами участников вражды стоят третьи силы, стравливая одних с другими. Вспомним отбушевавшую всего лишь столетие назад гражданскую войну: сколько было пролито крови, слёз, страданий... Тогда, в 1919 году, замечательный русский поэт Максимилиан Волошин написал:

«А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других».
И сегодня мы призваны именно к такой молитве.[25]

Справившись с текстом стихотворения Волошина, легко установить, что он осуждает обе стороны в Гражданской войне, а молитва его – молитва неверующего человека, для которого Правда не существует вообще.

Согласно с этим и митр. Тихон призывает сейчас молиться об обеих сторонах, но не о победе наших воинов.

Итак, мы вступили в какое-то новое состояние компромисса, и оно тоже привязано к гражданской истории.

На Украине православное духовенство и миряне следуют несправедливым законам националистического государства. А у нас, в России, православные в массе своей не следуют справедливым постановлениям нашего правительства или критикуют их справа и слева, как получится.

За решениями правительства не следуют, потому что они правильные. И это говорит о самоослеплении православных, и их слепота дерзкая и намеренная.

Как же нам описать этот новый компромисс?

Человек изменяет истине. Этим он привлекает на себя гнев Божий, и далее очень умело и расчетливо приспосабливается к этому своему отверженному состоянию.

Компромисс, следовательно, состоит не в приспособлении только к внешним обстоятельствам и силам. Это приспособление человека к самому себе.

Поэтому крушение внешних сил: СССР и т.п. не приносит исцеления. Человек по-прежнему приспосабливается к своей испорченной душе.

Мы призываем уйти от компромисса и поступать всегда одинаково, при любом строе, в любых обстоятельствах. Вот в чем христианская политика.

Чтобы по-настоящему быть вне гностической политики, надо быть гражданином, то есть судить о политике.

В общем, выбор у нас такой:

- (1) Либо мы начнем рассуждать о политике как граждане;
- (2) Либо сама Церковь под нашим руководством и при нашем соучастии превратится в политическую светскую организацию.

В первом случае мы не допускаем обмирщения.

Во втором – мы создаем гностический малый порядок в самой Церкви, по имени «церковный», а по сути светский.

Об этом сто лет назад писал сщмч. Виктор Глазовский.[17] Он предрекал, что понятие о Церкви, о ее единстве становится политическим, а не христианским. Тогда это уже гностическая медитация над единством, а не вера во Едину, Святую, Апостольскую Церковь.

Реализм

Войны ведутся из нематериальных соображений, и потери и приобретения в них тоже нематериальные. Значит, неспособный разобраться в нынешней ситуации не просто ошибается в геополитике или недостаточно горячо любит Родину.

С противниками России все понятно. Но и поддерживать спецоперацию России на Украине нужно 1) рационально холодно и 2) из правильных соображений. Иначе патриот может стать политическим гностиком, то есть отрицать действительность, как она есть.

Для исследователей гностицизма такое наблюдение не будет открытием. Гнозис, в том числе современный политический, всегда отрицает Божий мир.

Божий мир, считают древние и новые гностики, несправедливо устроен в отношении человека. Несправедливость состоит в том, что мир устроен понятно для разумного человека. А понятно ему то, что жизнь протекает в юдоли смертной, которую щмч. Виктор Глазовский не обинуясь называет: «Жизнь – погибель».[17, С. 143]

В понятном мире свобода человека очень ограничена, едва ли не уничтожена. В таком мире неудобно жить. Все вокруг и внутри человека напоминает ему о его несвободе:

- он не сам себя создал,
- сохраняет свою жизнь не своими силами,
- не сам себя спасает,
- и, вообще, не может ни одного волоса сделать белым или черным.

В ответ на эти неудобства гностик, мнящий себя свободным от Божественного миропорядка, пытается сделать непонятным для себя даже то небольшое, что он еще понимает. Например, говорит, что любая война, даже праведная, есть наказание. Но при этом забывает, что вся жизнь человека в этом мире есть наказание (Быт. 3:17-19).

Христиане, напротив, не боятся стать реалистами во всех отношениях, и, в том числе, в области глобальной безопасности.

Рассуждая о глобальной безопасности, я воспользуюсь некоторыми мыслями профессора Джона Миршаймера (1947), его знаменитой статьей 1990 года

«Почему мы скоро пожалеем о том, что Холодная война закончилась»[26] и его последними размышлениями над Украиной 2015[27] и 2022 года.[28]

Миршаймер привлекает нас тем, что он реалист. Конечно, он отсылает не к первой реальности, иначе он был бы философом, и философом христианским. Но вторую реальность идеологий Миршаймер рассматривает честно. В частности, он предлагает теорию «наступательного реализма» (offensive realism).

Миршаймер оценивает положение в мире в последние сто с лишним лет как анархическое.

За видимостью порядка: гегемонией США, региональными союзами, ООН и системой международных договоров, – реалист усматривает анархию.

Во времена анархии каждое национальное государство стремится прежде всего к безопасности. Государство считает себя безопасным, достигнув превосходства над соперниками. Миршаймер пишет:

Государства заботит не преуспевание. Хотя экономические расчеты для них немаловажны, политика доминирует над экономикой, если придется выбирать между первой и второй. Выживание в анархической международной политической системе – это наивысшая цель, какую может ставить перед собой государство.[26]

Итак, безопасность есть вопрос выживания. Экономические санкции всегда неэффективны, потому что вопрос стоит не о преуспевании, а о самосохранении.

Понятно, что это узкий взгляд. Миршаймер рассматривает политику как борьбу сил, однако в заслугу ему мы поставим то, что он видит политику силы там, где она есть, а не там, где ее нет. Скажем, если смотреть на Церковную жизнь с точки зрения политики силы, ты в ней ничего не поймешь, даже если у тебя самого эта сила есть.

По сути Миршаймер ставит вопрос так же, как до него Макиавелли, Томас Гоббс и другие.

Все эти реалисты смотрят на вещи так: люди одержимы волей к власти, то есть стали политическими гностиками и создали соответствующие государства.

Внутри государства соперничают различные и разнонаправленные воли к власти, а в международной политике субъектами такой воли выступают новые государства.

Каждая воля идет до конца в своем желании овладеть всем миром. Дай людям волю, и они уничтожат друг друга, и сделают это с чистой совестью, потому что обладают мнимым знанием.

Такое состояние человеческих и международных отношений проанализировал предшественник проф. Миршаймера Томас Гоббс и назвал это состояние «войной всех против всех».

Согласно Гоббсу, в государстве и мире нет никакого мира. Думать, что в мире существует какой-то порядок – предосудительно и наивно. Остановить войну может только превосходящая сила, реальная военная и внутри страны – полицейская.

Одним из следствий войны всех против всех является взаимное недоверие и непонимание людей и народов. И это тоже учитывают наши реалисты, древние и современные.

Гностические политики действуют как одержимые. Бесполезно звать к их голосу разума. В своем печальном состоянии люди и государства не могут вступить в разумный диалог друг с другом.

Диалог насильственно вытеснен в частную сферу, то есть не влияет на политику и мир в обществе.

Понять другого невозможно, а можно лишь реалистически признаться, что диалога больше нет. Ты замкнут в своем сознании и предполагаешь, что другой человек замкнут точно так же.

Но человек не просто замкнут. Каждая сторона гностически знает про себя, что ею движет воля к власти и что она не остановится ни перед чем. То же самое она думает о другой стороне, но понимает, что это лишь проекция ее воли к власти. Все говорит за то, что твои соседи намерены тебя уничтожить, но, может быть, это и не так. Даже либеральные демократии не доверяют друг другу, хотя и выступают союзно до поры до времени.

Если ты сам вдруг откроешься для диалога, поверишь собеседнику, то покажешь свою слабость. Согласится ли твой собеседник проявить такую же слабость в ответ? Едва ли, но во всяком случае риск слишком велик, чтобы доверять.

Итак, гностик ослеплен волей к власти и демонически закрыт, и из своей внутренней тюрьмы пытается угадать, что происходит снаружи.

Россия и НАТО

История только что преподала нам ярчайший урок такого недоверия, когда непонимание между Россией и НАТО привело к спецоперации на Украине.

События разворачивались следующим образом: в конце 1990-х НАТО расширяется на Восток. Это совпадает с агрессией НАТО против Югославии и западной поддержкой чеченских сепаратистов.

С тех пор реальные действия и заявления говорят о том, что НАТО угрожает России. При этом западные политики и пресса говорят, что действия НАТО вызваны стремлением к миру и не направлены против России.

В результате, в 2021 году Владимир Путин выдвинул известные предложения по безопасности, сообщив, что расширение НАТО на Украину угрожает

существованию России. В своих предложения Владимир Путин обещал равносильный ответ. Эти заявления Запад толкует как ничем не спровоцированную угрозу и в ответ усиливает свои приготовления к войне с Россией.

На этом фоне в 2022 году началась спецоперация России на Украине, которая, с одной стороны, оправдала опасения Запада. Но, с другой стороны, сам Запад сделал все, чтобы эти опасения осуществились.

Диалог России и Запада не состоялся, потому что Запад в реальном мире готовился к агрессии, а приглашение к диалогу истолковал как объявление войны.

Владимир Путин выступил как реалист и как сторонник разумного диалога с Западом. Но разговор не может состояться, если разум сохранила только одна из сторон.

Не все страны воюют друг с другом и не все жители пытаются убить друг друга. Какой-то порядок в международных отношениях все-таки сохраняется.

Проф. Миршаймер полагает, что больше всего порядка было во времена Холодной войны, когда друг другу противостояли две системы. Их силы были примерно равны, и они могли друг друга гарантированно уничтожить. Дамоклов меч ядерной войны охлаждал горячие головы, как в свое время Левиафан Томаса Гоббса угрожал гражданам смертью за несогласие с государством.

И вот, к сожалению проф. Миршаймера, с 1990 года установился многополярный мир.

Тут мы согласимся не с ним, а, скорее, с политологом Френсисом Фукуямой. Сейчас он пишет глупости про демократию на Украине, но в конце 1980-х он правильно писал про установление односторонней гегемонии США.[29]

Однополярный мир существовал с 1989-го (вывода советских войск из Афганистана) по 2020-й год. Такое состояние Фукуяма назвал «концом истории», потому что понимал историю как борьбу идеологий. Но мы уточним и Фукуяму: история кончилась не в 1989-м, а раньше.

Война всех против всех была развязана с отъятием Удерживающего в 1917 году. После крушения империй и, прежде всего, Российской, все в мире пришло в движение прямо по Апокалипсису.

За сто лет мы прошли путь от царей, поставленных милостью Божиею, к правителям, поставленным волей народа, обманутого идеологиями.

Хронология смешения

Хронология представляется такой:

— В XVIII - XIX веках возникли великие идеологии: либерализм, национализм, марксизм.

Идеологии поставили целью уничтожение Церкви и христианского государства. Это была безумная затея, которая могла придти в голову только одержи-

мым. Но она увенчалась успехом. Совместными усилиями идеологи свергли богоустановленную власть, а в Церкви создали христианский модернизм. В этот момент в личной и общественной жизни на первый план выступает сохранение жизни: не справедливость, не общее благо, а простое выживание. Идеологии нужны новым людям, потому что оправдывают любые действия ради выживания, то есть победы над всеми противниками во всем мире.

- 1917-1939 – годы мировой революции: левой, правой, духовно-экономической, нравственной. Расцвет победивших идеологий: марксизма, национал-социализма, фашизма. Тогда же, между прочим, оформляется и православный модернизм.
- 1939-1945 – Вторая мировая война и объединение наций в борьбе с нацизмом.
- 1945-1989 – послевоенное равновесие двух сверхдержав. Великие идеологии развенчаны: мир и без них был устроен понятно.
- 1989-2020 – однополярный мир, в котором наступает смерть идеологий. В России это произошло в один момент, но и по всему миру идеологии сходят на уровень частных мнений.
- В 2022 году мы стоим на пороге многополярного мира, в котором мы еще не жили и не знаем, как в нем будет обеспечиваться выживание государств и людей.

Нетрудно заметить, что с каждой стадией мы все дальше отходим от нормального порядка вещей.

Все больше недоверие и непонимание, неясность и смешение понятий и лиц. Для осуществления воли к власти все меньше внешних препятствий. Даже идеологии перестали действовать как упорядочивающие и объясняющие. Соответственно с этим наступает разочарование в гностическом диалоге, в том числе экуменическом.

Идеологии уже не соединяют людей и не разъединяют их, как делали прежде. Возвращение коммунистических или имперских символов на фоне спецоперации на Украине – признак нарастающей неясности в умах, а не возврата в то или иное прошлое. Никакое прошлое никуда не вернется.

В результате, люди смешиваются друг с другом как попало, независимо от убеждений и вер.

Все крепче демоническая замкнутость, все больше анархия. Безумие одержимых волей к власти выступает неприкрытое и действует ничем не связанное.

История идет ко все большей ясности понятий

Христиане, как реалисты, в свою очередь начинают яснее видеть разделение и соединение лиц и понятий. Поэтому можно утверждать, что история идет ко все большей ясности. Это тот самый прогресс, о котором говорил св. Филарет Московский:

Мир идет к совершенству... но на пути встречает потоп, пожар Содома, разрушение Иерусалима, гонение на Христианство, и наконец, времена антихриста.[30, С. 395]

Итак, мы понимаем все яснее не что-то хорошее, видим не какие-либо положительные достижения, радуемся не итогам истории, а только тому, что понимаем, что происходит на самом деле.

Возьмем первые годы Советской власти с 1917 по 1939-й. Всем было понятно: коммунизм противостоит Церкви.

Казалось бы, куда яснее? Однако, рядом с разделением понятий «Христианство» и «Коммунизм» и в извращенной связи с этой ясностью, родились два чудовищных смещения тех же понятий: обновленчество и сергианство.

В эпоху противостояния двух систем – 1946-1989 – интерес к идеологиям пропал. Вопрос с социализмом был решен практически: его приняли как систему организации во всем мире. Религиозные деятели в России и эмиграции сосредоточились на выковывании православного модернизма, который был более аморальным, более кощунственным, чем смещение в мировой политике и быту.

В 1991 году коммунизм пал, установилась диктатура либерализма. Здесь тоже ясность сопровождалась смещением.

В эти годы стали замечать и даже говорить, что внутри Церкви происходит разделение на православных и церковных революционеров разных фракций. Появились соперничающие стратегии поведения в этих новых обстоятельствах: антимодернизм, уранополитизм, российский патриотизм, внутренний экumenизм, лжемиссионерство, литургическая реформа и др.

Не разглядели, однако, того, что на деле происходит не разделение, а новое смещение. Все эти стратегии поведения состоят в том, что православные

разными способами приспосабливаются к тому, что в Русской Церкви победил модернизм.

Православные не отстраняются от предателей Православия, циничных кошунников типа Корчевникова или о. Андрея Ткачева. Не отстраняются они даже от откровенных атеистов, вроде профессора Осипова и о. Павла Великанова, а заседают с ними в Церковных органах или на лженаучных конференциях.

В 1960-х – 1970-х не смогли отделиться от о. Александра Меня и о. Шмемана. Теперь нам недостает ума, чтобы отстраниться от оо. Островского, Смирнова и др.

Итак, с каждой стадией увеличивается ясность, но растет и смешение. Прибавление ума сопровождается его убавлением. Вот это и есть распад.

Из этого мы видим, что распад состоит не в том, что все становится однородно хуже. Даже в душе одного и того же человека наступает одновременное просветление и затмение. Благодаря этому становится возможным политическое (гностическое) смешение людей.

Распад состоит в том, что в Церкви смешиваются хорошие и плохие, в уме смешиваются истинные и ложные понятия.

Нам недостает ясности, чтобы разделить с человеком, который принадлежит к Церкви, но Истина не имеет над ним власти. А как обходить это неудобство, мы еще не научились.

Мы начали эту главу с того, что войны ведутся из нематериальных соображений, и потери и приобретения в них тоже нематериальные. Тем более это относится к нашему воинствованию за Истину.

Да, мы никто в этом мире, и именно как христиане. Значит, наше знание и внимание к политике не имеют политического значения. От Православия в обществе ничего не меняется. Православие не может стать идеологией. Оно вообще недоступно глупцам, неграмотным и дерзким.

Модернисты – гностики, одержимые волей к власти и жаждой признания, поэтому мы с ними не можем договориться.

Ведь модернисты и о христианах мыслят как о гностиках особого рода, то есть как о стремящихся к выживанию, признанию и доминированию над всеми. Они приписывают нам свои желания и свою вражду против Истины.

Например, мы говорим, что Церковь и общество раздельны и находятся во вражде, а нам приписывают обмирщение.

Мы говорим, что христиане – наилучшие граждане и, как граждане, воинствуют против мира похоти и обмана. А нам говорят, что мы предлагаем политизированное Православие, делаем из Церкви политическую организацию.

Для гностиков главная забота – о сохранении жизни, и самая большая опасность – гражданская война. Это абсолютная величина для людей мира сего.

Для христиан не так. Если жить по совести и говорить правду, тебя – самое большее – убьют, но тогда и кривить душой не придется. А значит, мы ведем такую войну, в которой мы в любом случае будем победителями со Христом.

Только бы мы были открыты Богу, Божьему миру и Богоустановленному порядку в обществе, открыты душам других людей, доступны для диалога с умным человеком, при том, что честность – тоже ум.

Предметный указатель

- Августин блж., 9, 13
Антоний (Храповицкий), митр.,
22, 31
Виктор (Островидов), сщмч., 22,
29, 31–32, 37, 38
Война всех против всех, 39, 41
Волошин Максимилиан
Александрович, 36
Воля к власти, 22–23, 29, 39–40,
42, 44
Гитлер Адольф, 19
Гоббс Томас, 39–41
Государственная дружба, 3, 12
Демоническая закрытость, 3, 30,
31, 40
Диалог, 3, 40–41, 45
Достоевский Федор Михайлович,
11, 24, 34
Камю Альбер, 15, 18, 24–27
Киреевский Иван Васильевич, 34,
35
Леонтьев Константин Николаевич,
3, 17
Лука (Коваленко), митр., 19, 20
Миршаймер Джон, 38–39, 41
Многополярный мир, 41, 42
Несчастное сознание, 25
Нигилизм, 18, 24–27
Однополярный мир, 41, 42
Онуфрий (Березовский), митр.,
18–20
Осипов Алексей Ильич, 34, 44
Политика силы, 39
Путин Владимир Владимирович,
40–41
Серафим (Роуз), о., 18
Сергианство, 31, 35, 43
Сергий (Страгородский),
Патриарх, 10, 22, 31
Славянофилы, 11, 34
Справедливость, 12–14, 36, 42
Тихон (Шевкунов), митр., 35–36
Украинский национализм, 17–19,
21
Фукуяма Френсис, 41
Шмеман Александр Дмитриевич,
о., 26, 44
Экуменизм, 21, 35, 42, 43

Литература

- [1] *Леонтьев, Константин*. Варшава, 21 февраля: Передовые статьи "Варшавского дневника". // Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 62–66.
- [2] *Cattell, Raymond*. Some changes in social life in a community with a falling intelligence quotient // *The British journal of psychology. General section.* – 1938. – V. 28. – P. 430-450.
- [3] *Шухардт, Гуго*. Личность автора в лингвистическом исследовании. / Schuchardt Hugo. *Der Individualismus in der Sprachforschung* // *Избранные статьи по языкознанию* / Р. А. Будагов. – М.: Издательство иностранной литературы, 1925. С. 259-276.
- [4] Институт стратегии развития образования Российской академии образования. (Проект) Примерная основная образовательная программа основного общего образования [Электронный ресурс]. URL: https://eds00.ru/Primernaya_osnovnaya_obrazovatel'naya_programma_osnovnogo_obschego_obrazovaniya.htm (дата обращения: 26.02.2022).
- [5] Антимодернизм.ру. Академия неверия при Московской духовной академии [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/akademia-neveria/> (дата обращения: 26.02.2022).
- [6] *о. Переслегин, Владимир*. Война за Россию и молитвенное почитание Царя-Мученика Николая Второго и его святых мощей [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/edBvkfGsWAA> (дата обращения: 28.04.2022.059Z).
- [7] *Буздалов, Александр*. «Молитва о мире» [Электронный ресурс]. URL: <https://history-of-ideas.ru/article/161> (дата обращения: 28.04.2022.800Z).
- [8] *блж. Августин*. О Граде Божием. // Творения. Киев, 1906. Ч. 3.
- [9] Фома. Во что мы верим и во что мы не верим в сложившейся ситуации: Обращение «Фомы» к читателям [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/strong-vo-chto-my-verim-i-vo-chto-my-ne-verim-v-slozhivshejsja-situacii-strong.html> (дата обращения: 11.03.2022.251Z).
- [10] *о. Иоанн (Гуайта)*. О правде [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/o-pravde-ieromonah-ioann-guajta/> (дата обращения: 30.04.2022.978Z).
- [11] *Шпет, Густав*. Очерк развития русской философии. // Сочинения. М.: Правда, 1989.
- [12] *Леонтьев, Константин*. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. // Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах. СПб.: Владимир Даль, 2005.
- [13] *митр. Иннокентий (Васильев)*. Обращение [Элек-

- тронный ресурс]. URL: <https://www.orthodoxy.lt/novosti/3615-obrashenie-mitropolita-vilenskogo-i-litovskogo-innokentiya> (дата обращения: 21.03.2022.523Z).
- [14] *о. Серафим (Роуз)*. Недочеловечество [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/subhumanity-seraphim-rose/> (дата обращения: 28.04.2022.731Z).
- [15] Антимодернизм.ру. митр. Лука (Коваленко) [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/tag/mitr-luka-kovalenko/> (дата обращения: 28.04.2022.637Z).
- [16] *Вершилло, Роман*. Несчастное сознание православного модернизма [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/neschastnoe-soznanie-v-pravoslavnom-modernizme/> (дата обращения: 10.04.2022.938Z).
- [17] *св. Виктор (Островидов)*. Ответы на пятнадцать вопросов ОГПУ // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. 3 (20). С. 136–147.
- [18] *Толстой Лев*. Война и мир. Т. 1. // Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1937.
- [19] *Камю, Альбер*. Бунтующий человек // Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 414 с.
- [20] *Державин, Гавриил*. На кончину благотворителя. // Сочинения. СПб.: Академия наук, 1864. С. 701–708.
- [21] *о. Максимов, Георгий*. Богословский ответ на «Письмо епископа Диомида» [Электронный ресурс]. URL: <https://taday.ru/text/48098.html> (дата обращения: 16.04.2022.426Z).
- [22] *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг.: По подлинным делам Третьего отд. Собств. е. и. вел. канцелярии. 2-е изд. СПб.: изд. С. В. Бунина, 1909.
- [23] *Мария Божович*. «Боль — это признак того, что ты жив». Протоиерей Федор Бородин [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/bol-eto-priznak-togo-chto-ty-zhiv-protiierej-fedor-borodin/> (дата обращения: 14.04.2022.662Z).
- [24] *митр. Тихон (Шевкунов)*. Для меня нет вопроса, за кого голосовать [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/archimandrit-tixon-shevkunov-dlya-menya-net-voprosa-za-kogo-golosovat/> (дата обращения: 17.06.2014).
- [25] *митр. Тихон (Шевкунов)*. О событиях на Украине [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@mitropolit_tikhon-otvety-mitropolita-tihona.
- [26] *Mearsheimer J. J.* Why We Will Soon Miss The Cold War // The Atlantic Monthly. 1990. 266. № 2. P. 35-50.
- [27] *Mearsheimer J. J.* Why is Ukraine the West's Fault? Featuring John Mearsheimer, 25.09.2015. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JrMiSQAGOS4> (дата обращения: 2022-04-24T09:32:49.391Z).
- [28] *Mearsheimer J. J., McGovern, Ray*. Putin's Invasion of Ukraine Salon. – 2022. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=ppD_bhWODDc (дата обращения: 2022-04-24T09:39:33.853Z).
- [29] *Fukuyama, Francis*. The End of History? // The National Interest. 1989. Summer.

- [30] *св. Филарет Московский. Собрание мнений и отзывов в 5 томах. СПб., 1886. Т. 4. № 516, 1859 г.*